

*Посвящается моей любимой жене.
Без нее бы книга, скорее всего, не сложилась.
С тобой солнце взошло!*

Пролог

Лаборатория в недрах Искорки до мелочей напоминала подобные исследовательские комплексы, в нечисленном множестве скрытые и под Питерской аномальной территорией, и под той, старой, что бесследно канула в небытие многие годы назад.

Когда в здешних местах обнаружился вход в Зону, получивший название «Точка-два», военные вместе со сталкерами занялись прочесыванием бывшего агрокомплекса Искорки. Теперь в нем расположился сводный гарнизон бойцов двух группировок, когда-то воевавших друг с другом.

Времена распрей ушли, и «Карма» с «Фронтом» хоть и не слились в одно целое, но крепко объединились. Еще бы, люди в группировках слишком разные, подходы к жизни и Зоне кардинально различаются, но враждовать-то зачем? Нормальные же мужики, не бандиты какие, чтобы воевать да Зону на зоны делить!

После недавних событий, когда через «Точку-два» просочились представители враждебных государств, ее охранников-сталкеров в просторном сельскохозяйственном комплексе заменили «кармовцы» и «фронтмэны». Или, как их звали чаще всего, «карманы» и «фронтвики».

Одна из команд, совместно патрулирующих территорию, обнаружила под неприметным ангаром вход в обустроенное людьми подземелье. Ангар когда-то служил полевым филиалом для аграрных исследова-

ний, с просторным складом для техники, инструментария и различных материалов. Даже несколько тракторов сохранились. Стояли себе, не слишком ржавые, вот только фонащие с опасной интенсивностью.

Кто-то из бойцов не побоялся хватануть лишнюю дозу, но результат оказался неожиданно любопытным: под муляжом здорового «Кировца» плита вдруг сдвинулась в сторону, и опешившим людям явилась просторная лестница, зовущая вниз.

Так, одни нашли лабораторию, другие приняли ее на баланс, а обживали уже третьи. Свора ученых прибежала и укоренилась в подземелье, словно колония анчутков, хотя места для жизни было не так чтобы много. Помещения возле самого выхода инженерные службы выправили на славу, но вот дальше не полезли — побоялись.

И правда, жутко было находиться в облитых белыми кафельными плитками и полных научного оборудования помещениях, поделенных на отсеки. Кафель и приспособления вызывали тягостные ассоциации с кровавыми экспериментами, а из тьмы дальних от входного шлюза боксов словно бы тянуло неприятностями.

Военная охрана с необычно мощными стволами неустанно вглядывалась в кромешную мглу, пока инженерные специалисты колдовали над ремонтом и сборкой необходимого ученым оборудования. Люди в камуфляже вместе с работниками в защитных комбинезонах одинаково вздрагивали от каждой отбрасываемой временными осветительными установками тени, мелькавшей на стенах.

Однако молодым ученым во главе с именитыми руководителями получившаяся лаборатория при-

глянулась. Теснота жилых отсеков, очередь в «удобства» — какие мелочи! Голова кругом от того, что происходит! И не от страха, а от восторга! Это Зона, тут такие чудеса! А то, что нет-нет да и лешие бродят... Подумаешь — они где-то там, далеко! А здесь военные бдят! Зато артефакты текут рекой, аномальные проявления только успевай фиксировать. Житуха, рай для «ботаника».

Охранники крутили пальцами в тактических перчатках у прикрытых касками висков, но старались не ссориться с научной салажней и их седыми начлабами. И страх показывать не хотели, но все равно бойцы постоянно с опаской косились то на высоченные потолки, что скрывались в непроглядной тьме над низко подвешенными лампами дневного света, то на заваренные толстенными швами металлические шлюзы, ведущие в заброшенные части лаборатории.

Варили на совесть. Сначала устанавливали тяжелые двери, и, пока рабочие обливались потом от натуги, бойцы снаружи потели от жуткого ощущения, что тьма, слабо освещаемая налобниками и единственным прожектором, пялится хитрыми, жадными глазами на людей с ручными пулеметами.

Снабженец чуть не потерял зубы, когда поохотал сначала над тяжелым вооружением, а потом долго отказывался выделять осветительные приборы. Мол, измельчали военные, собственных теней боятся. Прожектор дал только после угрозы взять его с собой в охранение монтировщиков шлюзовых дверей.

Сами шлюзы также вызвали много вопросов, которые сводились к одному, основному — на кой ляд дверь, если ее сейчас с этой стороны навсегда заварят? Командование снизошло до банального ответа: «а вдруг

понадобится». Так и заварили, еще и развлечься удалось. Позировали со сварочным аппаратом, словно в известном космическом ужастике. Веселились, но чувствовали, как бегут по спине мурашки страха. Ладно, пережили. Начали обживаться.

* * *

Эксперимент по переносу материи — проще говоря, телепортации — затянулся на три долгих месяца. Уже подходил к концу квартал, начальство требовало отчетов, но с мертвой точки дело так и не двигалось.

Ближайший телепорт изучили вдоль, поперек и с остальных сторон. Трава вокруг была вытоптана до такой степени, что нахоженная плешь грозила остаться здесь навечно. Постоянные и переменные величины учли и зафиксировали, все имеющиеся излучения уловили, их лабораторные аналоги успешно воспроизвели, а поди ж ты — результата как не было, так и нет.

Кураторы лаборатории зверели, словно голодные жихари. Разносы гремели отчетливыми мутантскими рыками, и заведующий этим отделом лаборатории давно бы поседел, если бы уже не обладал белоснежной шевелюрой. Ее остатками, если быть точным. Волосы, не выдерживая стресса, покидали голову и облетали на кафельный пол.

В качестве последнего аргумента кураторы отпустили персонал других направлений исследований за Периметр, отдохнуть и перевести дух в домашних условиях. Проштрафившуюся же команду оставили трудиться под надзором охранника из понятно какой структуры. Комитетчик сочувствовал и позволял вольности, но работа не останавливалась, иначе влететь обещалось всем без исключения.

Справедливости ради стоит заметить, что корпящая над поставленной задачей команда состояла лишь из трех человек, остальные сделали все, чтобы слинять в более перспективные проекты, когда стало ясно, что здесь ничего не обломится. Скорее, обломается. Оставшаяся троица стойких энтузиастов все еще не опустила рук.

Первый из команды являлся руководителем эксперимента — моложавый профессор с лицом, обветренным полевыми исследованиями еще за Периметром, до пагубного влияния Зоны на кожу человека. Когда этот сотрудник только прибыл в лабораторию, ему начали строить глазки обе ассистентки, которых допустили до научных исследований в этой части аномальной территории. Они вообще поначалу приняли нового коллегу за рядового научного сотрудника. Ну максимум за старшего. И правда, глядя на новенького, никто не мог представить, что перед ним целый профессор — поджарое тело, отчетливая спортивная подготовка, цепкий, умный взгляд. Прозвище Доктор Джонс моментально прилипло к нему. Когда профессор услышал его впервые, он почему-то нахмурился и еще больше потемнел загорелым лицом. Но уже очень скоро охотно откликнулся на свой позывной.

Второй — действительно старший научный сотрудник, рыхлый мужчина средних лет, носящий на голове стремительно разрастающуюся под воздействием Зоны и стрессов лысину в обрамлении черных клочков волос. В отличие от Доктора Джонса, прозванный Трудоголиком ученый был многословен и любил в шутливой форме проверять знания молодых подопечных. Львиная доля исследований аномальных телепортов принадлежала ему, в то время

как лаборанты пассивно глазели на работу старшего научного сотрудника и отвечали на его вопросы по теоретической части.

Третьим был молодой ученый Громозека, постоянно обвешанный всевозможными приборами, отчего фигура в зеленом «скафандре» напоминала персонажа космического романа Булычева. Лаборант всюду следовал за Трудоголиком и порывался освободить своего непосредственного руководителя от рутинных дел. Ему это никогда не удавалось, и тогда Громозека безропотно возвращался к выполнению функций подсобного рабочего.

Этот вечер походил на бессчетное множество других таких же — снова отведенный для эксперимента зал постепенно наполнялся гудением компьютеров и научного оборудования, по телу вновь разливалась теплая волна надежды и предвкушения успеха. Громозека сновал среди сияющих отблесками ярких ламп металлических излучателей, почти не слыша, о чем невдалеке переговаривались старшие товарищи.

— Послушай, это уже смешно! — вполголоса, но раздраженно произнес Джонс. — Сколько можно тянуть? Артефакт две недели пылится без дела, хотя мог бы помочь нам наконец запустить проклятый телепорт.

— И вовсе он не пылится, — возразил Трудоголик. — Не дело артефакту лежать без дела, прости за неуместный каламбур. Или нет, за тавтологию. «Излом» все еще проходит тщательные исследования, и я...

— Вот именно, тщательные! Слишком тщательные! — прервал коллегу профессор, сжимая в нетерпении кулаки до побледнения кожи на крупных ко-

стяхках. — Выяснили ведь, что эта штукавина не представляет угрозы!

— Эта «штуковина» во время активации создала воронку, которая проглотила все предметы, что мы использовали в качестве эксперимента, — возразил Трудоголик. — Просто взяла и втянула, как молодуха — коктейль. За исключением болтов, на них она отказалась реагировать. Вы знаете, почему так происходит? Вот и я не знаю. Пока. Нужны данные, а их у нас нет. Ни черта не понятно.

— Брось! Что это, по-твоему, как не тот самый телепорт? — воскликнул Доктор Джонс, скользя взглядом по настраиваемому оборудованию лаборанту. Следом он перевел глаза на сидящего у входа в зал охранника. — Давай задействуем этот... снова забыл... «излом»! Никак не могу запомнить название! И кто его только придумал!

— Как кто? Вот он! — старший научный сотрудник кивнул на Громозеку. — Кто нашел, тот и назвал. И что сложного в слове «излом»? Вы же видели, как он будто искажает пространство, ломает, скручивает в воронку. Полностью согласен — артефакт представляет собой источник телепортирующей аномалии, но к нему есть множество вопросов. И ответы мы пока не нашли. Так стоит ли рисковать?

— Неужели ты не понимаешь? Срок исследований подходит к концу! Если не продвинемся в работе, нас просто турнут из Зоны! — На смуглом лице Доктора интенсивно заходили желваки, глаза метали молнии. — Значит, так! Отключай артефакт и неси сюда. Нет, мальчишке я не доверю это, сам сделай! Подключи к излучателю и активируй. Все, выполнять! — повоенному гаркнул профессор.

Трудоголик хотел возразить, но, уловив металл в голосе руководителя, пожал плечами и отправился в бокс, где покоился исследуемый артефакт.

— Да ты, видать, из вояк, — бурчал при этом себе под нос старший научник. — Хорошо тебе — никто не выгонит. А нас с мальчишкой мигом рассчитают. И чего тогда торопишься? Подумаешь, срок выйдет!

В это время Доктор Джонс следил за работой лаборанта. Сложенные за спиной руки то расслаблялись, то вновь сжимались в кулаки. Профессор нервничал, хмурился и кусал губы.

«Излом» встретил своего постоянного исследователя приветственным безразличием. Артефакт покоился в герметичном прозрачном резервуаре, исключающем случайную активацию. Трудоголик знал, что во время открытия телепортирующей воронки «излом» производит тихий вибрирующий гул, уловимый даже не слухом, а телом. Сейчас же артефакт находился в абсолютном покое.

Замок резервуара щелкнул каким-то странным звуком, не похожим на привычный лязг запора. Ученый потянул крышку, но та не поддалась. Казалось, артефакт сам удерживает ее, не желая покидать свое убежище. После недолгих усилий емкость удалось открыть.

«Излом» перекочевал в экранирующий контейнер. Научник перестраховался: ему совсем не улыбалось случайно активировать малоизученный кусочек Зоны и по инерции стать первым живым испытателем аномального свойства артефакта, вляпавшись в возникший перед носом зев телепорта.

Охранник провожал взглядом напряженного ученого, когда в кармане сработало переговорное устройство. В поднесенном к уху гаджете раздалось шипение, потом встревоженный голос старшего смены охраны, находящейся в ангаре на поверхности, что-то быстро заговорил.

— Товарищ капитан, медленнее, пожалуйста, — остановил поток неразборчивых слов комитетчик.

— Прием, лейтенант, слышишь меня? — почти внятно произнесло устройство.

Трудоголик с Громозекой закончили монтировать артефакт в излучающую установку. Молодой лаборант, который и нашел «излом» во время очередной исследовательской командировки на поверхность, любовно и осторожно погладил загогулину, состоящую, казалось, из куска пористого металла, затем отступил назад, освобождая место.

Доктор Джонс внимательно наблюдал за подготовкой к эксперименту. Профессор настолько глубоко погрузился в размышления, что не сразу услышал голос вставшего рядом с ним Трудоголика.

— Я обязан еще раз предупредить — эксперимент может закончиться плачевно! Вы уверены, что стоит так рисковать? — хмуро произнес старший научный сотрудник.

— Не мешай, а? — отмахнулся профессор. — Хватит сомнений, мы не имеем права облажаться!

— Зато имеем право умереть тут, лишь бы начальство не расстраивать, — тихо проворчал Трудоголик, однако Доктор его услышал.

— Проваливай! — свирепо рыкнул загорелый научник. — Без тебя управимся! Вон отсюда!